

Нин Уи был одет в плотное длинное пальто правильного кроя, которое отлично подчёркивало его стройную фигуру.

Молочно-белый шарф закрывал нижнюю половину его лица, а мягкий зимний свет придавал ему слегка неуклюжий и наивный вид.

— Эдем... Это тот самый Эдем из западных мифов?

Ли Чанси испытал лёгкое удивление. Оказывается, в этом мире существовала Библия, а он-то думал, что здешняя культура полностью отличается от земной.

— Наверное, тот самый Эдем.

— Почему ты выбрал такое название?

Ли Чанси не находился с ответом, но, к счастью, он в совершенстве владел искусством перекладывать ответственность на других. Стоило ему столкнуться с вопросом, на который у него не было ответа, как он с улыбкой парировал встречным вопросом:

— А как ты думаешь?

После этого собеседник начинал верить, что у Ли Чанси уже есть готовое решение, и осторожно выдавал свой собственный ответ.

Нин Уи выпрямился, усевшись прямо, и спустя долгое время тщательно подобрал слова:

— Эдемский сад — это земля блаженства, к которой стремятся люди, обычно он символизирует прекрасные мечты и вечную надежду.

Он пристально посмотрел на Ли Чанси, выровнял дыхание и набрался храбрости:

— Если концепция дизайна этой игры строится на любви и надежде, то это название ей идеально подходит.

Любовь и надежда...

Ли Чанси тихонько усмехнулся:

— ...Неудивительно, что её задумали как игру с открытым миром и элементами приключений.

И любовь, и надежда добываются через войну, ведь старое рушится ради созидания. Изначальный замысел этой игры заключался в том, чтобы через приключения свергнуть устои и создать новый мир.

Нин Уи, не зная, удачным ли вышел его ответ, слегка опустил взгляд:

— Однако, чтобы отыскать Эдемский сад, пожалуй, придётся обойти весь белый свет.

Длинные, бледные и изящные пальцы Ли Чанси легко постукивали по круглому стеклянному столу, как вдруг он поднял голову, и на его лице появилась беззаботная улыбка.

— У И, ты открыл мне глаза. Раз уж карта практически уничтожена, давай изменим подход к игровому процессу.

Нин Уи замер и принялся молча слушать.

— У меня есть идея получше: почему бы, используя уцелевшие фрагменты карты, не сделать упор на симулятор взращивания?

Ли Чанси сузил глаза в улыбке:

— Как ты и говорил ранее, в голографических играх меньше всего ощущается дефицит драек и приключений. Но раз уж современные голографические технологии настолько продвинуты, что персонажей можно воссоздать один к одному, а вдобавок к этому имеется мощная база данных, почему бы напрямую не запустить симулятор романтических отношений?

Нин Уи нахмурился:

— Ты хочешь сказать, симулятор свиданий с элементами взращивания?

Ли Чанси щелкнул пальцами, и его улыбка стала открытой и дерзкой:

— Именно!

Голографические игры создаются ради того, чтобы игроки испытывали кайф. Как говорится, боевой экшен приносит наслаждение — захватывающий до мурашек бой зашкаливает уровень адреналина и дарит игроку не с чем несравнимый боевой опыт.

Но кто сказал, что игрока может волновать исключительно бой?

— Раз уж ниша боевых игр уже занята, почему бы не изменить ход мысли? Пока другие

используют голографию для побоищ, мы займемся созданием виртуальных возлюбленных.

Нин Уи вздохнул:

— Пожалуй, этим путём ещё никто не пробовал идти...

— Виртуальный возлюбленный в сочетании с базой данных позволит каждому игроку собственноручно спроектировать своего партнера, вырастить его с нуля, создать уникального, неповторимого суженого.

Если позже отклик окажется бурным, мы добавим другие механики: например, взаимодействие между игроками, интеграцию валют иномирца и реального мира, открытие новых карт и многое другое...

Чем больше Ли Чанси говорил, тем сильнее загорался. Он сам по себе был человеком, разрабатывавшим голографические технологии, однако технологии его родного мира безнадежно отставали от здешних, не позволяя развернуться в полную силу.

В этом мире капсулы виртуальной реальности встречались на каждом шагу, цены на нейроинтерфейсы были вполне доступными, а голографические технологии процветали пышным цветом.

Стоило объединить его собственные первоначальные наброски с игрой, оставленной прежним владельцем тела, как это неожиданно открыло совершенно новую сферу в голографических играх.

Ли Чанси приподнял брови и впервые искренне, от всего сердца улыбнулся Нин Уи, в его взгляде исчезла привычная труднодостижимая отстраненность и холодность.

— У И, ты поистине моя счастливая звезда.

— ...

Нин Уи поджал губы и неестественно отвел взгляд:

— Я ничего такого не сделал.

Ли Чанси обожал наблюдать за тем, как тот смущается — в такие моменты он и впрямь выглядел совсем как ребенок.

— Кстати, тебе раньше доводилось играть в симуляторы свиданий?

Нин Уи покачал головой:

— Нет.

— А я вот играл в прошлом, только тамошние персонажи всегда казались мне какими-то недоработанными... — Ли Чанси замолк и не стал продолжать.

Самое главное — к ним нельзя было прикоснуться.

А голографические игры воздействуют на мозг, симулируя ощущение реального прикосновения.

В этом и заключается главное преимущество голографических игр.

Превратить возлюбленного из недостижимого призрака в осязаемую плоть — разве это не мечта стольких людей?

Улыбка Ли Чанси была поистине прекрасна.

Точно как у того альфы из его клана, который баловал своего омегу больше всех: с нежностью и бесконечным баловством в глазах.

Нин Уи на мгновение потерял дар речи, его пальцы медленно сжались, и он опустил голову:

— Однако голографические игры обычно продаются по фиксированной цене за полную версию...

— Вопросы монетизации мы обсудим позже. Пока твой охват рынка достаточно широк, люди сами понесут тебе деньги, даже если игра станет абсолютно бесплатной.

Ли Чанси протянул руку и легонько постучал Нин Уи по лбу, не скрывая веселья:

— Во-первых, игра еще даже не создана, а ты уже думаешь о том, как загребать деньги.

Во-вторых, не заикливайся на сиюминутной выгоде — вовсе не обязательно встраивать кнопку доната, чтобы стимулировать траты.

В-третьих, перестань целыми днями пялиться в свои кулинарные книги, иначе скоро совсем перестанешь понимать, о чём я говорю.

Щёки Нин Уи слегка покраснели, и он послушно кивнул:

— Угу. Я буду больше читать и постараюсь научиться понимать тебя.

Ли Чанси всерьез подозревал, что главный герой не способен его понять исключительно из-за отсутствия нормального образования.

Он уже столько раз повторял ему не вести себя как слуга, но главный герой упорно стоял на своем и норовил отнять работу у горничных в доме.

Может, если тот немного почитает, то наконец начнет соображать.

Поразмыслив пару секунд, Ли Чанси добавил:

— Я куплю тебе несколько книг. Прочтешь их от корки до корки, а когда закончишь — напишешь мне рецензию.

Нин Уи снова тихонько буркнул:

— Угу.

Ему было всего девятнадцать лет, он обладал чистой, благородной внешностью и еще не до конца сформировался — находясь где-то посередине между юношей и взрослым мужчиной, он отличался тонкими и плавными линиями костной структуры.

Ли Чанси протянул руку и взъерошил его волосы, словно лаская послушного пса. Во взгляде его читалось непередаваемое умиление, а голос стал совсем мягким:

— Как жаль, что ты не простой парень...

Хоть говорил он и тихо, слух у Нин Уи был развит куда лучше, чем у обычных людей, но он предпочел промолчать.

В глубине души он лишь молча отметил про себя, что Ли Чанси уже во второй раз называет его главным героем.

Но какое вообще отношение главный герой имеет к нему самому?

Позже в тот же день Ли Чанси изложил свои задумки подчиненным и засиделся на совещании до самого полуночи, прежде чем вернуться домой.

С собой он притащил целую стопку книг — оставалось только гадать, когда именно он успел их купить.

Нин Уи принял из его рук тяжелую стопку и, опустив взгляд, прочитал обложку верхней книги: «Гармония человека и социальные перемены».

«Классовая система в обществе АВО».

«Расти вверх, пускать корни вглубь».

...И тому подобная вдохновляющая мотивационная макулатура.

Зачем ему читать подобные вещи?

Высокая и прямая фигура мужчины нависла над ним, Нин Уи почувствовал легкое похлопывание по плечу — Ли Чанси стоял прямо перед ним со спокойным и доброжелательным выражением лица:

— Читай внимательно и учись. Учись быть человеком новой эпохи, отвергай пережитки феодальной культуры.

Глава 18. Положительный персонаж, который еще более абстрактен, чем злодей

В последние дни новые сотрудники постепенно выходили на работу, проект был окончательно утвержден, и Ли Чанси наконец смог вздохнуть с облегчением.

Дома он опробовал несколько самых популярных на данный момент голографических онлайн-игр, а затем принялся за написание отчетов. Покрутившись в этой суеде какое-то время, он чувствовал, что понемногу вливается в здешнее общество.

Нин Уи тоже вел себя очень послушно: целыми днями напролет просиживал, уткнувшись в ту самую стопку книг.

Впереди маячил важнейший поворот сюжета — согласно первоначальному тексту, именно с него начинались романтические отношения между Нин Уи и Ли Чжэнъином.

До этого момента Нин Уи, несмотря на безумные издевательства со стороны прежнего владельца тела, истово держался за так называемые три подчинения и четыре добродетели, беспрекословно выполняя любые капризы хозяина.

Поскольку прежний хозяин люто ненавидел Ли Чжэнъина, Нин Уи автоматически перенял эту

ненависть.

В то же время Ли Чжэнъин считал Нин Уи обыкновенным смазливym альфонсом, у которого не хватало характера даже на то, чтобы взбунтоваться против притеснений взрослого мужчины, и потому глубоко его презирал.

Так продолжалось до тех пор, пока на одном из банкетов биологическая мать Ли Чжэнъина официально не вошла в семью Ли. До этого момента семья ее не признавала, и женщина ютилась в маленьком особняке на окраине.

На этом самом банкете прежний владелец тела собирался устроить грандиозный скандал, публично заклеив мать Ли Чжэнъина как бесстыдную содержанку. На глазах у Нин Уи он раз за разом ядовито напоминал всем о незаконнорожденном происхождении Ли Чжэнъина, источая из каждого слова открытое презрение и брезгливость.

Нин Уи, будучи точно таким же незаконнорожденным ребенком, болезненно откликнулся на происходящее. Однако его скорбное выражение лица лишь разозлило прежнего хозяина, и тот плеснул вином прямо ему в лицо на глазах у всей публики, после чего холодно усмехнулся:

— Так сильно жалеешь его? Нин Уи, неужели все в вашей семье Ли такие распутные?

В результате два бастарда, словно затерянные в водовороте хаоса поденки, внезапно сблизились, находя друг в друге опору и силы для выживания.

И то, что два главных героя смогли полюбить друг друга, произошло исключительно благодаря самоотверженным стараниям злобного пушечного мяса.

Зазвонил телефон. Бросив взгляд на экран, Ли Чанси увидел имя звонящего — это был Ли Чжэнъин.

Судя по описанию в романе, эти двое находились в состоянии перманентной войны и в обычной жизни вообще не поддерживали связь.

Впрочем, Ли Чанси — это вам не прежний владелец. Он не собирался портить отношения с Ли Чжэнъином и, нажав кнопку ответа, произнес мягким и вежливым тоном:

— Слушаю.

Голос Ли Чжэнъина сочился улыбкой:

— Братец, а ты получил приглашение, которое я тебе отправил?

Сомнений не оставалось — Ли Чжэнъин тоже был далеко не подарком.

Он прекрасно знал, что прежний владелец тела люто ненавидит их с матерью и ни за что не явится на этот банкет, однако специально прислал ему пригласительный билет, используя провокацию, чтобы заставить того прийти и опозориться.

Прежний же хозяин обладал взрывным характером и, поддавшись на провокацию, тотчас попался на удочку: прибежал на банкет устраивать цирк, да в итоге остался и без штанов, и без лица.

Но Ли Чанси сохранял олимпийское спокойствие:

— Приглашение действительно пришло сегодня днем, я просто еще не успел его посмотреть.

— Завтра свадьба мамы, неужели ты не придешь? — в интонации Ли Чжэнъина отчетливо слышалась игривая насмешка, из-за которой собеседнику так и хотелось врезать ему по лицу, вот только формального повода вечно чуть-чуть не хватало.

Типичное поведение сынка любовницы, который после того, как его мать прорвалась наверх, заявляется к тебе похвастаться.

Ли Чанси едва заметно усмехнулся. Ему оставалось лишь покачать головой от внутреннего абсурда: почему главный герой ведет себя еще более вызывающе, чем сам злодей?

— Разумеется, буду.

Не добившись желаемой вспышки гнева, Ли Чжэнъин сменил тон и мягко произвел:

— Братец, хотя все эти годы ты меня не особо жаловал, я безумно рад, что ты всё-таки сможешь присутствовать на маминой свадьбе. Отныне наша семья заживет дружно и счастливо.

<http://bllate.org/book/25521/3044838>